

3d
B276

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Владимир Величко

Петр

Машеров.

Беларусь —
его песня и слава

Самое прекрасное,
самое драгоценное,
что является нашим
богатством, нашим
достоянием, — это люди.
Души их откликаются
на все дела, радости
и невзгоды. Наших людей,
с неиссякаемым

потенциалом мужества,
изобретательности,

буквально и культуры,

нельзя не любить,

нельзя не восхищаться
ими!

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

52
B276

Владимир Величко

Петр Машеров.

Беларусь —
его песня и слава

АБ

Президентская библиотека
Республики Беларусь

2 018000 021169

Минск
«Мастацкая літаратура»
2018

УДК 94(476)(092)+929Машеров
ББК 63.3(4Бел)6-8Машеров
В27

Выпуск издания осуществлен по заказу
и при финансовой поддержке
Министерства информации Республики Беларусь

ISBN 978-985-02-1169-9

© Величко В. П., 2018
© Оформление. УП «Мастацкая
літаратура», 2018

Предисловие

В истории есть личности, которые будят совесть народа, воплощают его моральный дух. К их числу, безусловно, принадлежит П. М. Машеров. Он более 15 лет успешно руководил республикой. Беларусь при нем стала преуспевающей в экономике, образовании, науке и культуре. Петра Мироновича, талантливого педагога, партизанского маршала, Героя Советского Союза, незаурядного государственного и политического деятеля, отличали пламенный патриотизм, недюжинная воля, широкий кругозор, глубокая духовность.

Про яркие страницы биографии Машерова рассказывает его помощник, философ и публицист Владимир Величко. Хочется надеяться, что эта книга будет интересна читателям разного возраста. Ведь создавая портрет своего героя, автор создавал и портрет Беларуси.

Жизнь любого государственного деятеля прежде всего характеризуется его вкладом в социально-экономическое развитие родной страны. В данном отношении позитивная роль Петра Машерова не вызывает сомнений. 15-летний период, в течение которого он находился у руля республики, был самым плодотворным в истории Беларуси. Это очевидно каждому исследователю, не зашоренному косностью и субъективизмом.

Машеров прославил Беларусь и прославился сам в родном Отечестве, не где-то за три моря в борьбе за чью-то свободу, а здесь, на родине, в героической борьбе с фашистскими оккупантами, спасая народ от гибели и рабства, в сложнейший период послевоенной разрухи. Помните завет Франциска Скорины: «Люди, где зродилися і ускормлени сьць по Бозе, к тому месту великую ласку имаюць». Свой талант руководителя и организатора Петр Машеров всецело отдавал созданию достойного настоящего и будущего, которое не приходит как ясное солнце в безоблачном небе. Петр Миронович настойчиво преодолевал испытания. Не с косой на луку, в резиновых сапогах на Полесье во время паводка, не полетами на вертолете на поля, где зеленели всходы. Это только нюансы характера общепризнанного лидера, чтобы видеть жизнь в первоизданном естестве. Он добивался свершений с помощью научно выверенной стратегии социально-экономического и культурно-образовательного развития республики.

Время отсеивает то, что малосущественно. В памяти народа осталось умение Петра Мироновича действовать с максимальной рациональностью и в то же время с упорством и настойчивостью. Машеров жил и трудился для людей, радел за страну, вошел в историю как выдающийся лидер, и поэтому его имя не поддается забвению. Об этом свидетельствуют непреходящий интерес к Машерову и стремление более полно познать его цельную натуру, невидимое сокровище души и сердца.

У каждой нации есть достойные сыновья. Белорусы гордятся тем, что республикой руководил одаренный государственный деятель, следовавший поговорке: «Всякий дом хозяином держится». Машеров в качестве цели видел свободный совместный труд, понимал важность нравственного климата в обществе, состояние духовного мира людей.

Выдающийся политик, он ни в коей мере не был склонен ни к самолюбанию, ни к любованию властью. Мы запомнили его на редкость совестливым, благородным, отзывчивым и в высшей степени обаятельным человеком. Когда трагически оборвалась его жизнь (а Петр Миронович ушел от нас в расцвете сил), люди плакали, искренне переживая потерю любимого лидера и человека.

О славном соотечественнике написано и сказано немало. Особое место занимает книга-память «Сын белорусского народа Петр Машеров», вышедшая в России в канун его 95-летия. Она вобрала в себя обширный фактический материал сведений о людях, которые извлекли из своих кладовых россыпи ярких впечатлений и по крупицам создали живой портрет удачливого преобразователя Беларуси. Это увлекает, доставляет истинную радость.

Как заметил в своих мемуарах уроженец Беларуси, дипломат с международным именем Андрей Громыко, «любой оригинал всегда богаче копии».

Вряд ли кто пытался отыскать и прояснить многочисленные неопубликованные труды Машерова, отделить в них специфику эпохи, свести в единое целое эволюцию его мировоззрения и гуманистических взглядов, суть которых — в утверждении идеала человека высокой духовности, нравственности и творческой одержимости. Главная особенность этого издания в том, что его автор, Владимир Величко, являлся непосредственным помощником первого секретаря ЦК КПБ, знает его стиль и методы работы. Используя ценный опыт личного общения с Петром Мироновичем, он приоткрывает малоизвестные страницы его биографии. И не только. Автор пытается с философско-публицистических позиций осмыслить многогранную деятельность Машерова, олицетворявшего Беларусь и ее народ.

Нет, это не ностальгическая лакировка прошлого. У Владимира Величко это ретроспекция «высокого» (Н. В. Гоголь) прошлого в наше настоящее. Серьезный, обстоятельный труд — своеобразный щит, охраняющий национальную историю от попыток ее унижения. Патриотические и созидательные ценности, сформировавшиеся в белорусском обществе в то время, трансформировались в молодом поколении. Они оберегают наш социум от опасной духовной коррозии нынешнего века, помогают растить творцов инновационной эпохи.

Увлекательные сюжеты дополнены фотографиями из семейного альбома Машеровых, которые любезно предоставили дочь Наталья Петровна и ее супруг, доктор физико-математических наук, профессор Владимир Васильевич Петров. На снимках читатель увидит красивого человека с умными добрыми глазами, запечатленного в ходе его душевных бесед с простыми людьми и с высокими зарубежными гостями, с представителями творческой и научной интеллигенции, доблестными защитниками Отечества.

Никого не оставят равнодушным его обаятельная, жизнерадостная улыбка, лучистый взгляд. Мы верим, что светлый образ этого легендарного человека оставит в вашей душе неизгладимое впечатление и поможет лучше понять феномен Петра Мироновича Машерова.

*О. Г. Слука,
доктор исторических наук,
профессор БГУ*

Глава первая

«Не тушуйся! Надеюсь, сработаемся»

Житейские пути-дороги... Невозможно перечислить, сколько интересных людей встречал я на своем жизненном пути. В знойных степях Казахстана несколько часов длилась беседа с писателем мировой величины, Нобелевским лауреатом Михаилом Шолоховым. Заядлый рыбак, он отдыхал душой на стремительном Урале. Увлеченно рассказывал о героях «Тихого Дона» и «Поднятой целины», охотно отвечал на вопросы.

В Канаде, на медицинской кафедре Монреальского университета Мак-Гиля я «напал на след» Станислава Скорины. Позже правительством нашей республики он был приглашен на 500-летний юбилей своего прославленного предка Франциска, тем самым придав торжествам в Минске и Полоцке особый колорит и звучание.

Не понаслышке знаю многих маститых ученых, государственных и общественных деятелей.

8

В созвездии самобытных и могучих личностей достойное место занимает П. М. Машеров. Впервые с ним, как говорится, с глазу на глаз повстречался в августе 1979 года. В то время я учился в Москве, в аспирантуре. После военных сборов во Владимирской области, истосковавшись по родным местам, вернулся в свой Брест, где раньше возглавлял лекторскую группу обкома КПБ. В городе не задержался и с ходу укатил в прибужские дубравы. Скромный пансионат, раскинувшийся на солнечной лесной поляне, казался островком спокойствия и блаженства. По утрам омытыми росой тропами спешил с друзьями за

спелой ягодой и боровиками. Вечерами, когда гасли алые крылья заката, обычно сидели на извилистом берегу Мухавца, любуясь медленно плывущими баржами и с ветерком проносящимися по водной глади спортивными байдарками.

В один из таких чудесных вечеров неожиданно позвали к телефону.

— Что случилось? — забеспокоился я.

Приятный женский голос в трубке рассеял возникшую тревогу: извинившись за беспокойство, меня попросили явиться в ЦК:

— Вас ждет Машеров.

На рассвете попутным транспортом добрался до Кобрина, оттуда рейсовым автобусом — до Минска.

Петр Миронович встретил приветливо. Разговор начал с шуток-прибауток. Потом, пригласив присесть, вовлек в беседу. Говорили о нравственности, этике и философии. Зачитал отрывки из поэмы о россонских матерях, которую только что прислал Никола Нагнибеда, а стало быть, и о Дарье Петровне Машеровой, зверски замученной гестаповцами.

Три часа пролетели как один миг. Меня не стану кривить душой, поразили его эрудиция, свежий взгляд на реальные вещи. Когда я уже собирался уходить, он вдруг спросил:

— Будем вместе работать?

Чего угодно мог ожидать, только не такого поворота событий. Никто из моих родственников «западников» в высоких сферах не обитал, и я растерялся. Сослался на то, что для меня сейчас самое важное — завершение учебы. На этом мы и попрощались.

По окончании отпуска я уехал в Москву и окупился в диссертационное исследование. Однако, ненадолго приехав в Брест накануне Нового года, снова был вызван к Машерову. Беседа вышла предельно короткой. Возвращаясь к «обросшему бородой» предложению, он добавил:

— Не тушуйся! Надеюсь, сработаемся.

Так 4 января 1980 года меня, еще в относительно молодом возрасте, утвердили помощником Машерова. На первых порах рука об руку работал с одаренным, на редкость трудолюбивым и обаятельным Г. Н. Вечерко. Вскоре Григорий Николаевич целиком «переключился» на экономический отдел, а я взвалил на себя нелегкую служебную ношу.

С назначением второго помощника не спешили. Петр Миронович хотел видеть в нем профессионала, хорошо знавшего промышленную отрасль, и особенно — зарождающуюся наноиндустрию, которая позволяла бы подняться республике на совершенно новый уровень развития. Рассматривалось несколько кандидатур, но принятие решения откладывалось. По многим вопросам я постоянно советовался с Г. Н. Вечерко. Он имел солидную теоретическую подготовку (учился и защитил диссертацию в МГУ имени Ломоносова), владел обстановкой во всех сферах общественной жизни, отличался честностью и надежностью.

В феврале того же года ожидался официальный визит советской делегации во Вьетнам. Возглавить ее Москва поручила члену Президиума Верховного Совета СССР Машерову. Географически далекая, но близкая нам по степени мужества страна, отразившая американскую агрессию, нуждалась в новых контактах и сотрудничестве. Предстояло проделать длинный путь от северного Ханоя до южного Хошимина, провести множество встреч на разных уровнях и более 20 публичных выступлений. К каждому из них Петр Миронович тщательно готовился, отдавая дань уважения подвигу вьетнамского народа, безвинным жертвам деревни Сонгми, повторившей трагическую судьбу белорусской Хатыни.

Визит увенчался успехом. Об этом глава делегации сообщил (в письменной форме) кремлевскому начальству, изложив свое видение формата дальнейшего взаимодействия двух государств, прежде всего в экономической сфере.

По возвращении в Минск Машеров приступает к подготовке республиканского семинара руководящих кадров на базе Гродненской области. Там же планировалось провести очередную пленум ЦК КПБ. Это требовало глубокого анализа практики хозяйственного и культурного строительства, основательных выводов и продуктивных решений. Немало времени отнимали и текущие дела. Петр Миронович допоздна задерживался на работе, «прихватывая» и субботащие дни, ничего не откладывая на потом.

Он всецело жил единственно важным для него интересом — интересом нации, всей душой любил свой народ и гордился его успехами. Был неимоверно рад, когда в канун Дня Победы Президиум Верховного Совета СССР удостоил Могилев ордена Отечественной войны I степени. Вручая 7 мая заслуженную награду, Машеров особо отметил героизм армии и народного ополчения, проявленный в начальный, самый трагический период войны. В Минск вернулся с чувством исполненного долга. Он верил: придет время и город на Днестре, остановивший «блицкриг» фашистской Германии, удостоится Золотой Звезды Героя.

Петр Миронович (что явилось неожиданностью) отправился на вертолете в Сенно. Постоял на месте дома, где жили родители. Потом земляки, накрыли стол для дорогого гостя. Затем Машеров поехал в Россоны навестить могилу матери, а также могилы погибших боевых товарищей. Побывал в Ровном Поле, долго беседовал с партизанским адъютантом Иваном Шепило. Отъезжая, очень трогательно, сердечно попрощался с людьми. Как оказалось, навсегда...

Одно из незаурядных качеств, присущих Машерову, — мастерство оратора. Подтверждение этому — эмоциональная речь, произнесенная им во время празднования 60-летнего юбилея Казахской ССР. Без сомнения, он обладал и талантом дипломата. В ходе его плодотворного

визита в соседнюю Литву решили насущные вопросы, был подписан договор о трудовом состязании двух республик.

Личность Машерова не осталась незамеченной среди представителей союзной и зарубежной прессы. В своих письмах и телефонных звонках в ЦК они сообщали о том, что после появления публикаций белорусского лидера тираж издания резко возростал. Читатели ценили каждое слово Петра Мироновича, каждую мысль. И это — свидетельство заслуженной любви и обожания. Современники тянулись к Машерову, ощущая его щедрый талант, высокую духовность, подлинную интеллигентность.

Несмотря на перенесенную летом того же года операцию, он по-прежнему усердно работал, много размышлял. Однажды, когда в кабинете мы остались вдвоем, он озабоченно сказал:

— Современный социум быстро и сильно меняется. Но некоторые союзные кумиры, призванные адекватно реагировать на болевые точки, не улавливают того, что волнует многих людей. Если ничего не предпринимать, это может вылиться в серьезные последствия.

Такое откровение меня ошеломило. Не было секретом то, что все «высокие» кабинеты прослушиваются соответствующими спецслужбами, и я всерьез испугался за Машерова. Он же был уверен и спокоен. Необходимо отметить, что, вопреки расхожим домыслам борзописцев, Машеров никогда не замыслил дворцовых переворотов, не выступал против линии партии. Вопрос состоял в другом. Он воспринимал СССР не только как империю, в меньшей степени искавшую выгоду для метрополии, а более благородную к периферийным субъектам, но и как сверхдержаву, которую возможно реформировать и которая имеет огромный потенциал развития.

Небезынтересно, что эти мысли в глубине души разделял и Леонид Брежнев. Летом 1980 года, отдыхая в Крыму, он пригласил к себе Машерова и после обстоятельной беседы дал понять, что планирует назначить его Председателем Совета Министров СССР. Алексей Косыгин, занимавший эту должность, попросил об отставке в связи с ухудшением состояния здоровья. 23 октября он уйдет на заслуженный отдых на основании поданного заявления.

На Олимпийских играх в Москве Петр Миронович находился рядом с генсеком. Закулисные кремлевские интриганы не могли не заметить такой рокировки. Их собственные амбициозные планы «трещали по швам», и они не могли сидеть сложа руки.

Машеров не был новичком в политике, чувствовал любой подвох, да и верные друзья в Москве на это не раз намекали. В его глазах проглядывалась грустинка. Я представил Петра Мироновича в образе Александра Невского, который, опираясь на труды древнерусских философов Иллариона Киевского, Феодосия Печерского и Серапиона

Владимирского, описавших крах византийской цивилизации, в условиях смуты предложил самобытный проект «Русский лад», позволивший сблечь Святую Русь — ее богатства, народ, территорию.

И вот наступило роковое 4 октября 1980 года. Планируя свой рабочий день, Машеров решает остаться на госдаче в Дроздах и обдумать некоторые перспективные векторы развития республики, однако его срочно вызывают в ЦК. Изменив планы, он приезжает на работу и утрясает только ему известные дела. Продолжается, как казалось, обычный трудовой день первого секретаря ЦК. Пригласив заведующего общим отделом Виктора Крюкова, он расписал почту. Затем позвал меня, чтобы продиктовать тезисы предстоящего выступления. На сей раз — в производственном объединении «Горизонт». Нынче у предприятия слава громкая, рейтинг высокий. Тогда же оно «лежало на лопатках». Неконкурентоспособная продукция наводняла торговлю, вызвала многочисленные нарекания у покупателей. Негодующие письма шли в ЦК, Верховный Совет и правительство. Машеров принимает решение напрямую пообщаться с коллективом предприятия и изложить свое видение проблемы. Его рассуждения я набросал на двенадцати страницах.

Внимательно слушая мудрые размышления Петра Мироновича в то утро, я не мог не заметить какую-то особую одуховленность. Ничто не предвещало беды. Зашел второй секретарь ЦК Владимир Бровиков. Машеров поделился с ним своими планами. Затем накинул плащ и вышел из кабинета. Уже в приемной подписал постановление о премировании большой группы партийных работников, которое по поручению Бюро ЦК подготовили Тимофей Хрипач и Александр Вобликов, пользовавшиеся безупречной репутацией.

К подъезду здания ЦК подогнали не бронированный «ЗИЛ», у которого оказалась поврежденной задняя фара, а выдавшую виды «Чайку». У машины стоял пожилой шофер Евгений Зайцев, который после вчерашней смены по инструкции не должен был второй день подряд садиться за руль (к тому же он страдал радикулитом).

Вопреки категорическому возражению белорусского ГАИ и МВД «Волгу» сопровождения (она была с проблесковыми маячками) перекрасили в белый цвет. Для многих водителей, особенно в сельской местности, было загадкой, что это за машина.

Поглощенный своими мыслями, Машеров не стал вникать в ситуацию: ведь это, скорее, вопросы председателя КГБ БССР Якова Никулкина. Имея покровительство в Белокаменной, он к своей важнейшей обязанности относился не так, как следовало. Утром того же дня по указанию Брежнева из Москвы прибыло чекистское подкрепление, которое должно было обеспечить безопасность будущего главы советского правительства. Но приступить к исполнению своих служебных обязанностей они должны были только с понедельника. Личные же

охранники первого секретаря разъехались по другим делам. Остался один — майор Валентин Чесноков, очень преданный и аккуратный человек. Но, видимо, не в его силах было что-либо изменить.

Я знал, что Петр Миронович собирается поехать к людям, работавшим на картофельном поле. Не то в направлении Хатыни, не то Жодино. Но моросил холодный дождь, и его отговаривали от поездки. Он же стоял на своем:

— Позже времени не будет. Впереди — съезд. Ситуация меняется. Многое надо пересмотреть, изменить откровенные позиции. Проработка вопросов должна вестись индивидуально. Пусть каждый выскажет свои суждения, в том числе и радикальные. Общество нуждается в новом духе, энергии, трансформации.

Он не успел раскрыть тайну своих мыслей, пролить свет на ход грядущих событий, которые, как профессиональный политик, предвидел, чувствовал сердцем. Но, если судить по отдельным высказываниям на предыдущих встречах, его волновало главное. Как переключиться на решение сложных и многообразных проблем современности, уйти от схематического подхода к оценке реального положения дел, не расслабляться, придать обществу необходимые жизненные импульсы. Петр Миронович умел уплотнять время. И хотя такой категории в философии нет, ускоренное социально-экономическое и духовно-культурное развитие Беларуси подтверждало состоятельность активизации творческих сил человека, общества, государства. Это те корни, которые питают растущее вечнозеленое дерево нашей жизни.

Спустившись в свой кабинет, я принялся перечитывать машеровский «конспект», сверяя кое-какие цифры, фамилии.

Около 16:00 услышал страшную весть:

— Под Смолевичами погиб Машеров!

Я побежал в приемную Петра Мироновича. Там уже толпилось много людей. На глазах всех — слезы. И гробовое молчание. Только генерал КГБ по спецсвязи докладывал о случившемся Андропову.

Печальная весть быстро облетела города и веси, хотя средства массовой информации томились в ожидании официального сообщения ТАСС. Здание ЦК, казалось, содрогалось от бесконечных звонков-укаров: «Не уберегли!» Хлынул поток телеграмм, писем. Соболезнования прислали генеральный секретарь ООН Курт Вальдхайм, другие официальные лица. У Дома правительства, где был установлен гроб с телом Машерова, возникла стихийная демонстрация. Власти открыли дополнительные двери, чтобы дать возможность проститься с Петром Мироновичем всем желающим. Граждане даже предлагали соорудить на свои средства мавзолей. Настолько высок и непререкаем был авторитет Машерова, настолько велика была любовь к нему простых людей.

Глава вторая

Дорога в детство и юность

Безусловно, чтобы лучше узнать родовые корни человека, необходимо побывать на его малой родине, пройти по незарастающей тропе памяти. «Тогда и воздух, которым мы дышим, будет целебен и вкусен, дороже будет взрастившая нас земля» (Василий Песков).

Жизненные истоки Петра Мироновича — в живописных местах Сенненского района. В километре от деревни Ширки, на хуторе, окруженном густым лесом, приоткрылась усадьба его отца. Хорошо помню, как летом 2007 года вместе с председателем Богуневского сельсовета Владимиром Мурашко мы подъехали к ней по песчаной проселочной дороге, избегающей на крутой пригорок. Подошли к аккуратной металлической ограде, в центре которой возвышается небольшая стела со словами: «На этом месте стоял дом, в котором родился и жил Петр Миронович Машеров, Герой Советского Союза, Герой Социалистического Труда». Возложили цветы, и каждый из нас задумался о том, какую яркую жизнь вмещает в себя эта короткая фраза. Долго молчали, любуясь изумительным ковром из разнотравья. Чуть подалее буйствовали зеленые кустарники, над которыми возвышались могучие дубы и стройные березы. Солнечные блики резвились, мерцая в зеркальной глади речушек Оболянки и Лучесы. Глядя на эту сельскую идиллию, я вспомнил слова писателя Валентина Распутина: «В деревне сердечко, душа развивается на природе». Она в значительной мере сформировала целостный, восхитительный мир юного Петра. Уместно сказать,

что романтическое чувство он пронес через всю свою сознательную жизнь.

Владимир Иванович с теплым чувством рассказал нам о семье Машеровых — большой, дружной, с прочными моральными устоями.

Разгоралось пламя большой войны (тогда ее не называли Первой мировой, так как никто не предполагал, что будет Вторая), и главу семейства Мирона Васильевича, очень трудолюбивого и уравновешенного человека, отправили на фронт. Мать Дарья Петровна с шестилетней дочуркой Матреной управлялась по хозяйству и нянчила малыша Павлушу. Петр появился после демобилизации отца 13 февраля 1918 года. Рождение второго сына, названного в честь деда Петра Киреевича, было большой радостью. Маленькие братики, как и три сестрички, дружили между собой. Ухаживали за цветами в палисаднике, вместе работали в поле. Мальчики рано научились пахать, косить, жать, молотить, колоть дрова, топить баню. Смыслу жизни взрослых и детей в какой-то мере соответствовала забавная сказка про лягушку, которая взбила лапками сливки и оттого не угонула. Труд, усердие закаляли характер, воспитывали волю, умения преодолевать трудности.

Без сомнения, правильное отношение к жизни, подлинные человеческие качества, сформировавшие личность Петра Мироновича, были заложены родителями в самом раннем возрасте. Мирон Васильевич и Дарья Петровна с детства приучали детей к самостоятельной жизни, учили заботиться о близких людях. Ребятишки собирали ягоды, несли их на железнодорожную станцию и продавали пассажирам. Иногда подъезжали на составах, а затем выпрыгивали, пока поезд, извиваясь на повороте, замедлял ход.

Зимой работы становилось меньше, и в затопленном просторном доме вечерами пели песни. По воспоминаниям Ольги Мироновны Пронько (Машеровой), у матери был чистый, нежный голос, а отец ей подпевал. К народному искусству приобщались дети. Они также увлекались чтением, тем более что была своя небольшая библиотека. Ее начал собирать Мирон Васильевич, еще обучаясь в церковноприходской школе. А когда затем ездил в Витебск на базар, заходил в магазин и покупал разные книги.

Родители стремились дать своим чадам образование, открывавшее жизненные перспективы. Пятеро детей за 4 километра ходили в Грибовскую начальную школу. Были прилежными учениками, даже в мороз и пургу не пропускали занятий.

Пример показывал Петя. Любимым предметом стала математика, которую мудрецы считают музыкой души и относят к числу наиболее ярких проявлений творческой активности людей.

Не меньший интерес вызывала физика. Наравне с точными дисциплинами его внимание привлекала история, в особенности те ее страницы, которые касались проявления людьми мужества и героизма. Изучая их, он постигал идеалы добра и справедливости.

В пятый класс Мошканской неполной средней школы, находившейся в 8 километрах от дома, Петя из односельчан записался один. Родители пытались устроить его на квартиру. Но 11-летний парнишка отказался. Озорной, находчивый, он смастерил коньки, лыжи и зимой по снежной целине или замерзшей речке гораздо быстрее преодолевал немалое расстояние. Физическая закалка пригодилась в жизни, а со спортом Петя уже никогда не расставался.

Недостаток продовольствия в стране, измотанной гражданской войной, нежелание зажиточных крестьян продавать хлеб государству подтолкнули власти к преждевременному проведению коллективизации. Ничего иного просто-напросто не оставалось. На село были посланы тысячники. Многие из них не могли отличить пшеницу от ячменя, не знали местных традиций, но доучали потомственных хлеборобов ведению сельского хозяйства. Те скептически глядели на «чужаков», пытавшихся «революцией переделать» деревню, предав забвению один из главных лозунгов Октября: «Землю — крестьянам».

Не будет преувеличением утверждать, что среди тысячников были и грамотные люди. Они опирались на толковых хозяев, рассказывали о преимуществах коллективного труда. Большинство сельчан, в том числе и семья Машеровых, вступили в колхоз, заботились о его развитии.

1933 год совпал с очередной страшной засухой, которая была в России в 1891-м и 1921-м годах. От горячего зноя в республиках посева выгорели на больших площадях, и убирать было нечего. Страна осталась без хлеба. Нищета и голод, косившие целые семьи, охватили Северо-Кавказский край, Ставрополье и другие регионы. Тогда о данной трагедии нигде не писали. Эта тема была закрытой. Позже беду, вызванную погодной аномалией, кое-где стали использовать в политических целях.

16 Тот трудный год Машеровы худо-бедно пережили. В школу дети брали с собой жареные бобы. В выходные дни, в период летних каникул Павел и Петр с отцом на разъезде Лычковского грузили в вагоны вытасченные из реки Лучесы бревна. На заработанные деньги приобретали необходимые для дома вещи.

Окончив Витебское педучилище, Павел в Дворищанской школе Россонского района преподавал историю и географию. Он забрал к себе Петра. Зарплаты старшего брата-учителя хватало на пропитание и одежду для обоих.

Для села «с колхозным нэпом» наступали времена, когда понемногу повышалась оплата труда — в ее натуральной форме. На II съезде колхозников-ударников в 1935 году Сталин объявил, что в деревне «жить стало лучше, жить веселее». Крестьянская частушка добавила к этим словам ироническое пояснение: «Шея стала тоньше, но зато длиннее». Хотя улучшение сельской жизни наблюдалось, «хлебный» рывок в стране произошел два года спустя.

В Ширки прислали толкового, с крестьянскими корнями председателя колхоза. Новый руководитель повышал культуру земледелия, внедрял севообороты — и урожайность пошла вверх. Люди получали на трудодни зерно, возводили дома, хозяйственные постройки.

Перемены грели душу Петра. Летом он приезжал домой, работал на сенокосе со взрослыми. И старательно готовился к поступлению на рабфак. Юноша успешно сдал вступительные экзамены, его зачислили на последний курс этого факультета. А через год он уже учился в Витебском педагогическом институте (ныне университет).

Бытовые заботы в Петре-студенте взяла на себя старшая сестра Матрена, которая проживала с мужем Юсеном в городе Витебске. Как это было свойственно Машеровым, она любила брата по-матерински сердечно, словно своих кровинушек Галю и Колю.

Парень с головой окунулся в изучение физики и математики, других дисциплин. С огромным интересом посещал лекции, семинары, конференции, с азартом участвовал в диспутах, мечтал поступить в аспирантуру и заняться наукой. Этому способствовал не только пылкий ум юного Петра, но и дух того времени. Ранний Советский Союз по праву назывался «страной мечтателей, страной ученых». Не меньше Петр интересовался астрономией, учился ориентироваться по карте звездного неба в ночное время. И эти знания очень скоро оказались востребованными. Ценил творчество многих мастеров кисти, живших и работавших в городе на Западной Двине: Ю. Пэна, М. Шагала, К. Малевича...

Не последнее место в жизни молодого Петра занимало увлечение спортом. В институте он организовал блестящую команду лыжников, которая приняла участие в стрелковом переходе Витебск—Орша—Могилев—Минск и стала победителем, заняв первое место в республике. Тогда он получил в награду часы и именной жетон.

Летом 1937 года вся семья собралась в родном доме. Дарья Петровна угощала дорогих гостей блюдами собственного приготовления. Из патефона, который приобрел Павел по случаю окончания Могилевского учительского института, звучали песни хора Пятницкого. Сравнявшийся ростом со старшим братом, сероглазый, с обаятельной улыбкой Петр делился впечатлениями об учебе. Светила ясная луна, и этот блеск

как будто рассыпался по водной глади. На темно-синем небе мерцали далекие звезды. Казалось, прошло совсем немного времени, и в легкой туманной дымке «расплылся» рассвет, выкатилось, заулыбалось солнце, и зазвенела звонкоголосая птичья симфония.

Кто мог подумать, что это будет последняя встреча с отцом, работавшим на пасеке пчеловодом? Он, как член правления колхоза, боролся с пьяницами, расхитителями народного добра. Вот они и настучали на него, обвинили в принадлежности к кулачеству, в иных грехах. В тех отрывочных сведениях, которые удалось собрать Надежде Мироновне, сестре Петра Мироновича, значатся фамилии И. Колухонова и А. Ляховского. В одних доносах указывается, что у Машеровых было 18 гектаров земли, в других — 25. А также четыре коровы и две лошади. Но, согласно справке сельского Совета, выданной Петру при поступлении в институт, сообщалось о четырех с половиной гектарах земли, двух коровах и одном кабане. Но никто не сопоставил цифры, не вывел на чистую воду омерзительных клеветников.

8 декабря органы НКВД осудили ни в чем не повинного Мирона Васильевича по статье 72 УК БССР и отправили на лесоразработки на станцию Сухобезводное Горьковской железной дороги. Его большое сердце не выдержало такого удара, и он 20 марта 1938 года умер в бараке.

Прокурор Богусhevского района Ковалев, человек мужественный и не лишенный объективности, вникнув в суть дела, в 1940 году опротестовал незаконный арест. Но дальше все застопорилось. Верховный суд БССР только 17 августа 1959 года пересмотрел постановление особой «тройки», и из-за отсутствия состава преступления М. В. Машерова реабилитировали. Справедливость, хотя и поздно, восторжествовала.

Дарья Петровна оставалась в Ширках. Петр ее постоянно навещал. В 1939 году, завершив учебу и получив направление в Россонскую СШ преподавателем физики и математики, забрал к себе мать, сестренку-школьницу Олю и Надю. Жилье выделили в трех километрах от школы. Прежний дом продали. Новые хозяева перевезли его в деревню Платоны.

Стройный, подтянутый 21-летний учитель на первый самостоятельный урок в 9-й класс шел как на праздник. Надел светлый костюм и белоснежную рубашку. Познакомившись с учениками, которые были ненамного моложе его, стал увлеченно рассказывать о предмете, которому предстояло совершить настоящую революцию в техническом прогрессе народного хозяйства. Для лучшего усвоения знаний предложил оборудовать физический кабинет. Школьники поддержали идею и включились в работу. Все создавали своими руками по плану, составленному Петром Мироновичем. Вскоре уроки проходили в прекрасно оснащем приборам и наглядными пособиями классе.

Со временем кабинетная форма обучения получила в республике широкое распространение. Помню, когда мой одаренный одноклассник Петр Владимирович Мотыль, работая после института директором Мижеричской СШ Гродненской области, преподавание всех учебных дисциплин перевел на эффективную методику, Машеров, уже будучи первым секретарем ЦК КПБ, приезжал к нему посмотреть на результаты эксперимента. Похвалил за инициативу, посоветовал педагогическим коллективам последовать доброму примеру. Это позволило перевести образование на новый уровень. Юноши и девушки поступали в лучшие вузы страны, вливались в ряды научных исследователей, вносили достойный вклад в развитие электронной, оптической, полупроводниковой и других отраслей отечественной промышленности.

Через год Петру Мироновичу выделили двухкомнатную квартиру напротив школы. А его коллеге, учителю истории Перегудо, обзаведшемуся семьей, с получением жилья велели подождать. Машеров тут же уступил ему одну комнату. Вторую перегородили, с трудом втиснули четыре узенькие кровати, поставили книжный шкаф, письменный стол. И никто не ворчал. Помогать другим было сутью характера Петра Мироновича. Впоследствии, занимая высокие государственные и партийные посты, он у каждого, кто к нему приходил, интересовался: «Какие проблемы волнуют? Чем могу быть полезен?»

В советский период о родословной Машерова ничего не писали, но время, наступившее после распада Советского Союза, оказалось богатым на «сенсации». Так, московский публицист Юрий Казенков в книге «Голгофа России. Схватка за власть», вышедшей в 2003 году, утверждает: «Петр Миронович — еврей, сын еврейского ремесленника».

Белорусский журналист Алексей Довнар-Запольский высказал свою версию. Восхищаясь элегантностью Машерова, его демократичностью, мягкой, искренней, как у Ива Монтана, улыбкой, он предположил, что у Петра Мироновича были французские корни. Своими мыслями он поделился с дочерью Машерова Натальей. В ответ услышал весьма любопытный рассказ:

— Давно, еще в школе мои одноклассники в шутку называли меня по-французски «мон шер» — «моя дорогая». Помню, что мама сердилась за это. В семье происхождение нашей фамилии мы не обсуждали. Я же этим немного интересовалась. Согласно легенде, в 1812 году раненый французский солдат познакомился с белорусской девушкой, они поженились, и он всегда называл ее «мо шер», по-белорусски это звучало «ма шэр». Так, дескать, и родилась наша фамилия. Когда много лет спустя я была в Париже, председатель Конституционного Совета Французской Республики, потомок известной аристократической семьи, высказал предположение, что у моей фамилии — французское

происхождение. Однажды как бы в шутку спросил: «Ну как вы чувствуете себя на земле своих предков?» Моя сестра Елена, путешествуя по Франции, посетила старинный замок, название которого практически совпадает с нашей фамилией. Рядом в парке находится камень с высеченным на нем красивым женским профилем, очень похожим на профиль нашей бабушки Надежды.

Продолжение рассказа имело реальные исторические факты. Во время переправы через Березину возле деревни Студенка, что в 17 километрах от Борисова, у белорусского Бородино, отступавшая от Москвы армия Наполеона была разгромлена, потеряв более 53 тысяч человек. 26–29 ноября 1812 года она перестала существовать как боевая сила. Ударил страшный холод. Воины, обмороженные, не способные передвигаться, были вынуждены остаться на территории нынешнего Сенненского района Витебской области. Проявив мудрость, присущую белорусскому народу, местное население отнеслось к французам благосклонно, разделив их человеческую трагедию. Поправив здоровье, многие солдаты связали свою дальнейшую судьбу с белорусскими крестьянками. Создали семьи, приняли православие. Причем не стали крепостными — в данном случае на них распространялся указ императора Александра I «О вольных хлебопашцах» от 1803 года.

Солдат Жером Машеро тоже обзавелся семьей. Вскоре на свет появился сын Ерем (по-французски Жером). Если воссоздать генеалогическое древо, Петр Миронович вроде бы являлся его родственником в четвертом поколении.

Наталья Петровна поведала любопытные детали:

— Действительно, после окончания школы мой отец и его брат подправили фамилию. Дедушка Мирон Васильевич носил фамилию *Машэра*, что по-русски звучит как *Машеро*. Именно так она и фигурирует в чудом сохранившейся справке 1935 года.

Доктор филологических наук Александра Суперанская (г. Москва) опубликовала статью в журнале «Наука и жизнь» (2005. № 1. С. 109), в которой следующим образом объяснила происхождение фамилии *Машеров*: она «от французского словосочетания «ма шер», что означает «мой милый», «мой дорогой». Такая фамилия возникла в семье, знавшей французский язык. Прозвище *Машер* могли дать окружающие, часто слышавшие, как люди называли друг друга».

Ввиду того, что авторитетное мнение московского ученого совпадает с красивой легендой, можно предположить, что у семьи Машеровых есть французские корни. Убежден в необходимости проведения научного поиска, серьезных архивных исследований для того, чтобы это предположение было подтверждено историческими документами.

И все-таки наиболее правдоподобно следующее утверждение. В болотистой местности, окружающей многие поселения, растет трава машара. Именно от нее пошла фамилия предков Машеровых, всю жизнь работавших на хлебной ниве, сеножатах и собиравших на лугах лекарственные растения и медовый урожай. Белорусы с древних времен заимствовали у природы-матушки свои имена, фамилии, названия сел и городов.

Машерову были присущи дух и ментальность белорусской нации. Народная «плынь», среда обитания вложили в его сердце любовь к Творцу и Отечеству, выкристаллизовали удивительные гены прочности, порядочности, предельной честности.

Петр Миронович мимолетным взглядом угадывал в госте, который приехал издалека, своего, спрашивая:

— Похоже, вы белорус?

Да и сам он говорил:

— Я — сенненский, из Придвинья.

Как и у земляков, в натуре Петра Мироновича сочетались житейская мудрость, врожденный гуманизм и извечное белорусское благородство. Чувствительный и терпеливый, он в трудную минуту был решительным. Но при этом никогда не поступал бирометчиво.

